

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ

ВЛАДИМИР ГРОМОВ

(К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Осень 1950 года свела нас в старинном двухэтажном доме на Московской, в Орловском пединституте: я поступил на первый курс литфака, Громов учился на третьем. Сближало нас многое, особенно страстная любовь к чтению, к русской классике. Встречались мы в читальных залах библиотек, в коридоре между лекциями, в литературном кружке, которым руководил М.В. Минокин, впоследствии автор книг-очерков о писателе-земляке Иване Вольнове, о связях Л.Н. Толстого с нашим краем. Целеустремлённый, деловой, умеющий беречь каждую минуту, Владимир Громов вызывал желание подражать ему. Помнится, я задумывал написать пьесу с главным героем, похожим на него. Живо заинтересовался Громов моими стихами в студенческой стенгазете:

Там, где небо светит бирюзою,
Где война жестокая идёт,
Девушка, похожая на Зою,
В бой полки народные ведёт.

Он и сам втайне писал стихи, даже опубликовал три стихотворения в сборнике «Наше утро» (Орёл, 1955). «В новом сельмаге» – живой рассказ о новых товарах:

Не тёплым летом на лугу,
А в день морозный, звучно снежный,
Среди деревни, на снегу,
Цветы пылали краской нежной,
Весна как будто зацвела,
Опередив природы сроки.
...И вот текут среди села
Людей шумливые потоки.

В стихотворении «Гром» запоминалось:

Хоть и не было ни души
Во дворе этим ранним часом,
Но опять кто-то неба ширь
Золотым кнутом опоясал.

Третье – лирическое:

И вот растаял снег,
Опять пришла весна.
Глядишь –
И зацветут ромашки вскоре.

Но где ж твой звонкий смех?
Чего же ты грустна?
Не оттого ли, что со мною в ссоре?

Стихи опубликовал под псевдонимом «В. Акимов». Так же подписал впоследствии рецензию в «Орловской правде» на первые сборники стихов в 1961 году: мой и Георгия Шумарова.

Он очень любил Пушкина и Некрасова, Маяковского и Твардовского.

С последним вступил в переписку по случаю обнаруженного факта пребывания будущего автора «Страны Муравии» и «Василия Тёркина» в Орле.

Охотно собирал Громов сведения о писателях-орловцах, верно служил памяти И.С. Тургенева, пушкинским традициям в его творчестве, «Запискам охотника», называя их великой книгой о России.

Печататься начал студентом. В 1953 году Министерство просвещения РСФСР признало лучшими в конкурсе студенческих научных работ наши сочинения...

После института В.А. Громов работал в Тургеневском музее. Затем – аспирантура в Ленинграде и снова музей. Мы часто встречались. Печатался мой друг в газетах и журналах, защитил диссертацию, стал кандидатом наук, а там – доцентом, профессором. Подолгу пропадал в библиотеках и архивах. Уезжал в Москву и на берега Невы. Всюду архивы были ему лучшим местом пребывания. Вернувшись, рассказывал о находках. Выступал, как и наш общий друг Л.Н. Афонин, везде, куда приглашали. Мастерство устного слова росло на наших глазах. Когда Громов начинал говорить, зал замирал. Провожали его с трибуны бурей аплодисментов. С блеском используя редкую память свою, цитировал стихи и прозу, приводил удивительные факты из жизни писателей. Первая статья была посвящена 100-летию «Записок охотника» (1952), первая книга «Писатели-орловцы» вышла в Орловском книжном издательстве (1961), вторая «Здравствуй, город Тургенева» – в Приокском (Тула, 1967), там же – «Предания Бежина луга» (Тула, 1969), «Добрый

великан» (Тула, 1974), «Писатель и критика» (Тула, 1986), в Орле – «Н.А. Некрасов и писатели-орловцы» (1972), «Месяц в столицах» (1995), «Под сенью Пушкина» (1999). Последняя книга литературных очерков вышла к 200-летию великого поэта. Громов много выступал о нём. Находясь на краю жизни, успел побывать с друзьями-писателями в Михайловском. На последнем писательском собрании был тих и молчалив. Никто не догадывался, что роковой его час уже совсем близок...

В заметке «О себе», в первом томе словаря «На пороге XXI века» (М., 1998), В.А. Громов писал, что родился 11 января 1929 года в деревне Ивановка Свердловского (ныне Глазуновского) района. Далее: «Речка моего детства и юности Рыбница впадает под Орлом в Оку. Чтобы слиться с потом с Волгой... Сельская, потом районная школа, разнорабочий-колхозник без паспорта...»

Подчеркнул, что рекомендацию в Союз писателей получил от Н.П. Смирнова, репрессированного, а потом реабилитированного, с которым встретились в редакции альманаха «Охотничьи просторы». «Этот нешумный человек, – продолжал Владимир Алексеевич, – о многом рассказывал мне при встречах из своего прошлого. Я часто вспоминаю наши разговоры, особенно после выхода первого тома «Книги памяти жертв политических репрессий на Орловщине», где на странице 224 есть несколько слов в Громове Алексее Алексеевиче. Мать рассказывала мне в детстве о стукачах и передала из уст отца, ветерана первой мировой, при чтении пресловутого пакта о ненападении: «Обманет нас Гитлер». Вот я теперь и думаю: «Не обманули бы вновь».

Однажды, вспоминая, я пригласил друга к себе на Фоминку, познакомил со своими родителями. На обратном пути он и поведал мне трагедию семейную. Отцу, Георгиевскому кавалеру, колхозному бригадиру, в 1941 году было 55 лет. За три слова он получил 10 лет лишения свободы.

Пелагея Ивановна, жена «врага народа», мужественно вынесла удар, проводила сына и дочь на войну, пережила оккупацию и другие нелёгкие годы. Помню её старенькой бабушкой, рассказывающей сказки внуку Серёже. Мне она прочла из Блока:

Под насыпью во рву некошеном
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке,
На косы брошенном,
Красивая и молодая...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам всё равно, а ей – довольно.
Любовью, грязью иль колёсами
Она раздавлена – все больно.

Была необыкновенно приветливой, жизнелюбивой, когда же дочитала стихотворение до конца, то залилась слезами:

– Это обо мне...

Рассказала, как росла сиротой на полустанке, как однажды привёл дядя высокого молодого человека в мундире с блестящими пуговицами и сказал:

– Вот тебе жених.

Жених был родом из Болхова...

Свадьба Владимира и Саши Громовых была скромной.

– Жена да прилепится к мужу, – говорила Пелагея Ивановна, любясь невестой.

Она и сама по всем законам Священного Писания и правилам русской жизни прилепилась тогда к своему Алексею Алексеевичу, надеясь долгую жизнь прожить рядом, душа в душу.

Похоронили бабушку Полю в Лужках: это так далеко от затерянной где-то могилы мужа...

И так близко теперь от горячо любимого сына, известного учёного-литературоведа, за свою научную и просветительскую деятельность названного в день его похорон печатно и устно великим гражданином родного края.

Никогда не забыть две последние встречи.

Тогда и написалось:

Себя мой друг берёт и не берёт,
В иную жизнь и верил, и не верил,
Гляжу, уже собрался за порог
И вот уже стоит у самой двери
Ещё по-старому ручьём струится речь,
Ещё по-прежнему бессонный ум в работе.
А некто в белом встал уже у плеч,
Чтоб душу взять на первом повороте.
Одно мгновение,
Один короткий шаг –
И «до свиданья, друг мой, до свиданья!».
Ну а пока гудит ещё в ушах
Грудь его тяжёлое дыханье.
Ещё большая сила в нём жива,
Что целый зал, как буря, поднимала...
Всё реже, всё обдуманней слова,
И слово Бог на первом месте встало.